

Пигля: пересмотр классического случая Винникотта в свете некоторых бесед со взрослой Габриэль*

Дебора Анна Люпниц

Известный анекдот гласит, что ребенка отправили к Дональду Винникотту, потому что ее отец жаловался на плохие манеры за столом. Винникотт посоветовал своей пациентке прочитать ее отцу следующее:

Я ем свой горошек с медом,

Я делал это всю свою жизнь,

Это делает горошек забавным на вкус

Но держит их на ноже. (Андерсон, 2015, стр. 37)

Психоаналитик, который играет, известный тем, что ездит на велосипеде, положив ноги на руль, не увидел бы патологии в простых грехах. Однако, когда ребенок действительно болел, Винникотт рекомендовал пять сеансов лечения в неделю. Напряженность между его верой в исцеляющий потенциал детского анализа и его верой в то, что вещи сами собой разбираются естественным образом, иллюстрируется, по преимуществу, историей болезни, известной как Пигля. Он объясняет это во введении к книге:

Как только ребенок начинает лечение, упускается из виду богатая симптоматика всех детей, за которыми ухаживают в их собственных удовлетворительных домах. Лечение ребенка может фактически помешать очень ценной вещи, которая заключается в способности дома ребенка терпеть и справляться с клиническими состояниями ребенка ... (стр. 2)

Опубликованный в 1977 году, "Пиггл" до сих пор преподается на курсах по всему миру и никогда не выходил из печати. И его поклонники не ограничиваются детскими аналитиками. Философ Марта Нуссбаум (2003) назвала это "одним из замечательных примеров в английской литературе, когда взрослый вступает в дикий, конфликтный мир маленького ребенка" (стр. 159; см. также Нуссбаум, 2018). Самый продаваемый графический романист Элисон Бехдель (2012), которая представила Винникотта непрофессиональным читателям в книге "Ты моя мама?" изобразила себя, размышляя: "Мне любопытно, могла ли "Габриэль" написать о своем анализе с Винникоттом ... Может быть, его лечение было настолько

эффективным, что ей не нужно было писать об этом. Она, вероятно, просто где-то живет своей жизнью” (стр. 156).

Бехдель-не единственный читатель, настолько очарованный Пиглей, что задается вопросом, что стало со взрослым. Через сорок лет после публикации книги я предлагаю пересмотреть это дело в свете моего общения с 2015 года по настоящее время со взрослой Габриэль, как ее настоящее имя. Она действительно “жила своей жизнью”—как психодинамический психотерапевт—в Лондоне.

Винникотт согласился встретиться с Габриэль по прозвищу “Пигля”, когда ей было два года и четыре месяца, в ответ на описание ее родителями странного изменения личности и ночных кошмаров, которые приняли две формы. Во-первых, она боялась “черной мамы”, которая жила внутри нее и сделала ее черной. Во—вторых, она боялась поездов и “бабаки”—придуманного слова, которое, по мнению ее матери, могло сочетать “детскую машину” и “черную машину”. Она плакала: “Расскажи мне о бабаке. Все о бабаке”. И: “Мамочка, плачь о бабакае!” (Винникотт, 1977, стр. 6-7). Ночные кошмары начались вскоре после рождения ее сестры Сьюзен. В более поздний момент она боится быть отравленной (стр. 64) и озабочена смертью (стр. 87).

С самого начала идет дискуссия о том, нужен ли полный анализ или нет. Семья жила за пределами Лондона, что делало пять сеансов в неделю практически невозможными. Винникотт напоминает родителям, что большинство детей перерастают такие страхи и трудные состояния, но остается открытым для встречи с ней, если она не улучшится самостоятельно. По мере того как ребенок становится все более тревожным, мать говорит ей: “Я написала доктору Винникотту, который разбирается в бабаках ...” (стр. 7). Как сообщается, расстроенная Габриэль умоляет: “Мама, отведи меня к доктору Винникотту” (стр. 7).

Пациент наблюдается по расписанию, которое Винникотт классифицирует как лечение “по требованию”. Это составляет шестнадцать сеансов в течение нескольких лет; ей пять лет, два месяца на момент окончания.

Во время их первой встречи Габриэль рассказывает о появлении своей младшей сестры. Она подбирает предметы в комнате, спрашивая: “Откуда это взялось?” Винникотт вмешивается: “И откуда взялся ребенок?” (стр. 11). Он вводит эдипову тему, спрашивая, злится ли она когда-нибудь на маму, учитывая, что “они оба любят одного и того же мужчину” (стр. 12). Винникотт видел исключительную силу эго в Пигле, наряду с “элементами безумия, например, бабакой” (стр. 17). После этой первой консультации мать пишет, что некоторое время она играла

счастливого, но потом стало хуже—открыто настаивая на том, что она ребенок, и отказываясь озываться на свое своим именем. Проблема, говорит Винникотт читателю, заключается в пересмотре отношений с матерью, которые могут допускать ненависть. Пигля по-прежнему одержима “бабакой”, и на второй консультации Винникотт “рискует”, интерпретируя: “Это внутренности матери, из которых рождается ребенок”. Она чувствует облегчение и отвечает: “Да, черная внутренность” (стр. 24).

На одиннадцатой консультации он предлагает некоторое объяснение тайн размножения в ясных кляйнианских терминах. “Этот человек-грабитель. Он отнимает у матери ее грудь. Затем он использует украденную грудь как длинную штуку—крошку, которую он кладет в детскую дырочку девочки и сажает туда младенцев. Так что он не чувствует себя так плохо из-за того, что был грабителем” (стр. 142-143).

В другой раз она спрашивает о его дне рождения, и он отвечает: “А как насчет дня моей смерти?” (стр. 124), Возможно, готовя ребенка к собственной смерти. Габриэль изобретает игру со скалкой, в которой она избавляется от Винникотта, превращая беспомощный страх в игривую агрессию. Здесь он подчеркивает важную истину о терапии с детьми. В то время как Кляйн и Анна Фрейд считали, что детская игра важна как основа для интерпретации, он утверждал, что:

Для ребенка этого возраста невозможно понять смысл игры, если, прежде всего, в нее не играют и не получают от нее удовольствия. В принципе, аналитик всегда позволяет удовольствию утвердиться до того, как содержание пьесы будет использовано для интерпретации. (стр. 175)

На шестнадцатой и последней консультации пятилетняя Габриэль ведет себя застенчиво. Винникотт говорит: “Я знаю, когда ты действительно застенчива, и именно тогда ты хочешь сказать мне, что любишь меня”. Он замечает: “Она была очень позитивна в своем жесте согласия”, оставив у него впечатление “действительно естественной и психиатрически нормальной девочки 5 лет” (стр. 198). В эпилоге, написанном родителями, когда Габриэль исполнилось тринадцать, они утверждают, что, несмотря на обычные взлеты и падения, она процветает. Они ссылаются на ее сильные ценности, независимое суждение и чувствительность к другим, как, возможно, связанные с опытом “глубокого понимания” в решающий момент ее молодой жизни.

Винникотт представил этот случай на международной конференции в 1969 году, во время которой он попросил младшего коллегу руководить им, а не наоборот.

Публикация этого дела, ставшего возможным благодаря скоординированным усилиям матери ребенка и Клэр Винникотт, произошла через шесть лет после его кончины.

Пигля - это текст, который можно прочитать многими способами. Это история болезни, включая заметки на полях, в которых Винникотт освещает свои вмешательства, что делает ее полезным учебником. Это также читается как своего рода эпистолярный роман, поскольку сеансы лечения перемежаются письмами от родителей, описывающими ее успехи. Когда ее спросили, Пигля сказала, что думала, что Винникотт писал свою автобиографию. Действительно, в дополнение к тематическому исследованию и роману, это также что-то вроде мемуаров, отражающих последние несколько лет его жизни в качестве врача.

Детский психотерапевт и исследователь Винникотта Кристофер Ривз (2015a, 2015b), бывший директор фонда "Каракули", в своем тщательном исследовании Пигли спрашивает, что в данном случае можно считать лечебным. Он ставит под сомнение эффективность кляйнианских "волнующих, возбуждающих (commotion)" интерпретаций, определяемых как те, которые "... намеренно способствуют высвобождению тревоги, связанной с конфликтом ..." (стр. 162). Более того, он отмечает, что, как и все аналитики, Винникотт слушает избирательно. Например, хотя Пигля боится поездов и бабаки, Винникотт следует только за последним словом, несмотря на то, что слово "поезд" встречается в три раза чаще, чем "бабака". Ривз приходит к выводу, что Пигле удастся продемонстрировать, что положительные результаты могут быть получены в результате интенсивного, но не длительного лечения в классическом формате. Однако нельзя сказать, что Пигля представляет анализ "по требованию", как утверждается. Во-первых, говорит Ривз, неясно, можно ли когда-либо понять требование малыша отдельно от пожеланий родителей, и, кроме того, бывали случаи, когда требование предъявлялось и не удовлетворялось. Однажды Габриэль пришлось ждать почти три месяца, в то время как родители беспокоились, что она на грани нервного срыва.